

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 267:261.5(P571)

Е.А. Полякова

ЦЕРКОВНЫЕ МУЗЕИ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Потребность общества в сохранении памятников церковных древностей обусловила необходимость преподавания в духовно-учебных заведениях дисциплин церковно-археологического характера. Развитие церковной археологии как научной и учебной дисциплины способствовало появлению в культурно-образовательном пространстве духовных учебных заведений России церковных музеев. Форма музея наглядных пособий, заимствованная у светских учебных заведений и адаптированная для нужд духовного образования, оказалась вполне жизнеспособной и способствовала повышению культурно-образовательного уровня студентов, сохранению и популяризации православного наследия.

Ключевые слова: церковные музеи наглядных пособий; церковная археология; духовно-учебные заведения.

Включение музеев в структуру высших образовательных учреждений в России начинается с 1755 г., когда при Московском университете была открыта «Камора натуральных и курioзных вещей». Приобретение музеями статуса обязательной составляющей образовательного процесса случилось гораздо позже, во второй половине XIX в. В этот период в России происходило утверждение наглядного метода обучения в школьном и профессиональном образовании, что привело к появлению новой культурной формы – музея наглядных пособий. Эти вновь появившиеся музеи подразделялись, в свою очередь, на педагогические и церковные, причём первые были ориентированы на нужды светского образования [1], вторые – духовного.

Генезис церковных музеев наглядных пособий, бытовавших также под названиями «церковно-археологический кабинет» и «церковное древлехранилище», был связан с развитием церковной археологии как учебной и научной дисциплины. В исследуемый период перед обществом встала проблема охраны православного наследия. Как в европейской части России, так и за Уралом были зафиксированы случаи утраты или повреждений древних памятников вследствие их перестройки, неумелого обновления или целенаправленного уничтожения, проистекавшего от непонимания их национальной ценности. Низкая степень сохранности церковных памятников была обусловлена многими причинами. Одна из них – отсутствие у выпускников духовных учебных заведений знаний по церковной археологии. В соответствии с этим одним из способов сохранения церковных древностей было введение в перечень учебных дисциплин предмета «церковная археология». А.Е. Мусин, занимающийся научными изысканиями в этой области, в своих трудах указывает, что истоки церковной археологии «лежат в символическом толковании литургического обряда и его истории, с одной стороны, и в развитии богословия образа – с другой, что окончательно сложилось в VIII в. во время

иконоборческих споров» [2. С. 145]. Для церковной археологии, изучавшей литургический характер культуры прошлого, был характерен переход «от непосредственного изучения символических толкований богослужебных обрядов к исследованию вещественных памятников церковной культуры вообще», что принципиально отличало её от христианской археологии, которая, наоборот, «переходила от эмпирического изучения артефактов христианской культуры к историческим, богословским и литургическим обобщениям» [3. С. 84–85]. Таким образом, «неразрывность литургики и церковной археологии» стала носить «не только характер традиционный, но и онтологический» [2. С. 145].

Становление и развитие науки о церковных древностях стимулировал кризис литургического сознания, который пришёл на период Великого Раскола XVII в. Предтечей появления церковной археологии стала «Скрижаль» (1655–1656) патриарха Никона. По мнению исследователей середины XIX в., это первое российское сочинение церковно-археологического характера, в котором объяснялось значение предметов и храмовых принадлежностей в контексте символического толкования Божественной литургии. Нарастание общественно-церковной потребности в решении вопроса выразилось в появлении ещё двух работ: «О служении и чиноположении Православной Греко-Российской церкви» (1792) митрополита Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова) и «Новая скрижаль. Полное объяснение всех церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода» (1803) архиепископа нижегородского Вениамина [2].

Следующим шагом в становлении церковной археологии стало введение в научный оборот терминов «христианские древности», «церковная археология» иеродиакон Иродионом Ветринским, который сделал авторизированный перевод сочинения Иозефа Бингмана о памятниках древней христианской церкви (издан в 1829, 1830, 1844, 1845 гг.) [3. С. 146]. Начиная

с 30-х гг. XIX в. российская церковная археология формируется как научная дисциплина. Этот период отмечен появлением учебных пособий для духовных учебных заведений, среди которых «Церковная археология в вопросах и оглавлениях» (1839), «Введение в православное Богословие» (1847). Указанные издания трактовали церковную археологию как вспомогательную литургическую дисциплину, имеющую «прикладное пастырско-назидательное значение» [2. С. 146].

Ко второй половине XIX в. наряду с богословско-литургическим направлением в церковной археологии сформировалось и историко-художественное, ориентированное на изучение иконописи, архитектуры и прикладного искусства и систематизацию научного знания. Известный историк, археолог, профессор Московской духовной академии А.П. Голубцов (1860–1911), характеризуя этот аспект церковной археологии как «монументальный» (в противопоставление литургическому), отмечал, что необходимый предмет науки о церковных древностях представляют собой, помимо прочего, «те вещественные средства, которые составляют обстановку и материал литургических действий, т.е. храм как архитектурное целое, со всеми приспособлениями, относящимися к богослужению, церковная живопись, одежда, утварь» [4. С. 192]. Это новое направление церковной археологии формировалось в рамках развития археологической науки в целом и касалось изучения истории христианского искусства. Указанные процессы привели к разделению церковной археологии на теоретическую и практическую составляющие. Теоретическая сфера деятельности заключалась в изучении православного наследия, практическая сфера деятельности нашла выражение в формировании церковно-археологических организаций и музеев [3. С. 88, 89].

С точки зрения настоящего исследования представляет интерес формирование церковных музеев наглядных пособий и их роль в культурно-образовательном пространстве духовных учебных заведений. С 1869 г. церковная археология постепенно стала одной из составляющих образовательного процесса в духовных учебных заведениях. Как учебная дисциплина она поставила задачу методического обеспечения учебного процесса в культурно-образовательном пространстве духовных учебных заведений. С точки зрения таких специалистов в области церковной археологии, как И.А. Голубцов, Н.В. Покровский, И.Д. Мансвентов, именно для полноценной организации преподавания в академиях и семинариях науки о церковных древностях и должны были создаваться специализированные музеи, приспособленные к научно-педагогическим и воспитательно-религиозным целям, так как существовавшие на тот момент «специальные археологические собрания и... ризницы в большинстве случаев неудобны... предметы хранятся в витринах и недоступны для ближайшего с ними ознакомления... они не имеют надлежащей полноты и плана, столь необходимых в

интересах учебного дела» [5. С. 190]. Вместе с тем преподавание дисциплины абсолютно не было обеспечено наглядными средствами обучения на местах. Все это способствовало осознанию насущной потребности открытия церковных музеев наглядных пособий. В 1872 г. на страницах «Православного обозрения» вышла статья известного археолога, профессора Московской духовной академии, председателя Совета общества любителей духовного просвещения И.Д. Мансвентов (1843–1885) «Об устройстве церковно-археологических музеев», в которой на основе анализа деятельности отечественных древлехранилищ и зарубежных христианских музеев был представлен проект создания российских церковных музеев наглядных пособий.

Предварительное теоретическое изучение собраний российских памятников древностей показало, что предметы церковного искусства занимают среди них весьма значительное место, и в связи с этим данные коллекции способны оказать «важную услугу» общей археологии, но лишь при условии оформления их в специализированные центры – древлехранилища. И.Д. Мансвентов отмечал, что в структуре светских учреждений опыт формирования данных тематических собраний уже был накоплен при Академии художеств, Московском публичном (собрание церковных древностей Савостьянова) и Художественно-промышленном музеях. В церковном ведомстве тоже существовали подобные коллекции, не уступавшие по ценности светским собраниям, а порой и превосходившие их (например, знаменитая патриаршая ризница и ризница Троице-Сергиевой лавры) [5. С. 185]. В обосновании проекта автор указал, что, несмотря на существование отдельных коллекций церковных древностей, они при всей их полноте не могли использоваться в научно-педагогических целях. В светских собраниях они были лишены надлежащего идейно-концептуального оформления, так как рассматривались с эстетическо-художественной точки зрения, а собрания ризниц были недоступны для широкого круга посетителей. Мансвентов, доказывая необходимость церковных музеев наглядных пособий для подготовки квалифицированных специалистов, отметил, что «изучение памятников искусства без наглядного знакомства с ними никогда не достигнет своей цели» и «самое добросовестное описание древнего памятника не в состоянии дать такого живого, ясного и полного о нём понятия, как наглядное знакомство с ним», а «преподаватель, имеющий время и средства наглядного изучения ближайших и доступных памятников», поставлен в более выгодные условия, чем, например, слушатели его курсов, вынужденные довольствоваться лишь объяснениями да снимками из специальных археологических изданий [5. С. 187].

Предложенный И.Д. Мансвентовым проект церковно-археологического музея сыграл важную роль в создании и практической деятельности древлехранилищ. В его основу был положен аккумулированный опыт

отечественных ризничных собраний и Берлинского музея христианских древностей, основанного профессором Ф. Пипером. В настоящем исследовании следует обратить внимание на структуру берлинского музея в связи с тем, что в основе организации экспозиционного пространства первых и наиболее известных церковно-археологических кабинетов при Московской и Санкт-Петербургской духовных академиях лежали те же принципы. В свою очередь, прочие музеи так или иначе заимствовали опыт центральных музеев.

Структура Берлинского музея христианских древностей состояла из трёх отделов. В первом были представлены памятники, характеризующие процесс перехода от язычества к монотеизму. Здесь экспонировались сюжеты из помпейской живописи (Юпитер Олимпийский, *Fortuna Primigenia*, изображения вечности и провидения на монетах римских императоров и пр.); образцы гробничной эпиграфики и эпитафии, снятых с памятников Рима и Вероны, содержащие посвящение «Великому Богу», «Великому Вечному Богу». Во втором отделе были представлены непосредственно образцы христианского искусства в фотографиях. Там демонстрировались факсимильные копии христианской эпиграфики (из катакомб и других мест). Представляет определённый интерес способ экспонирования материалов: снимки помещали между двумя стёклами, чтобы посетители могли рассмотреть и лицевую, и обратную стороны. Также в отделе были представлены фотографии памятников церковной архитектуры (виды и планы наиболее известных церквей и соборов) и богослужебной утвари (купели, потиры и пр.) [6. С. 274, 275].

Третий отдел берлинского христианского музея был наполнен образцами живописи и скульптуры и включал несколько экспозиционных комплексов. В нём были представлены и подлинные материалы, и воспроизведения, и фотографии. В первом комплексе демонстрировались памятники первохристианской эпохи: снимки с надгробных камней, саркофагов, символические изображения (слепки саркофагов Рима и Милана), снимки стенной живописи из катакомб, монеты и геммы (копии и оригиналы). Во втором экспозиционном комплексе были представлены «памятники христианского искусства до XIV столетия»: снимки с мозаик и стенной живописи древнейших храмов Константинополя, Равенны, Рима и других городов; а также подлинные образцы иконописи, миниатюры, резьба по слоновой кости, диптихи. В третьем комплексе экспонировались произведения западной живописи и скульптуры XV в., а в четвёртом – произведения христианского искусства Италии (XVI в.) и протестантского искусства [Там же. С. 277].

Проект И.Д. Мансветова, несмотря на некоторую общность структуры с Берлинским музеем христианских древностей, учитывал российскую религиозную, образовательную и экономическую специфику. Предлагаемые им отделы церковного музея и их коллекции были подчинены главной цели – наглядному

знакомству студентов с историей и развитием церковного искусства, что соответственно должно было выразиться в значительном превалировании аутентичных предметов в фондовых собраниях отечественных музеев. По мнению разработчика, первый отдел учебного музея должен был демонстрировать художественный синкретизм дохристианского и христианского в церковном искусстве посредством демонстрации образцов греко-римских памятников, служащих «прототипами позднейшего церковного искусства» и выражающих идею «предчувствия христианства» и подготовки язычества к монотеизму – постижению единого Бога. В целом он был аналогичным первому отделу берлинского музея [6. С. 274].

Второй отдел в проекте был отличным – в нём предполагалось наличие ограниченного количества основных образцов таких архитектурных типов, как базилика, готический, романский; византийская же традиция должна была быть представлена максимально полно. Как отмечал И.Д. Мансветов, для православного востока «византийская форма сделалась прототипом церковного зодчества, и с нею связаны многие стороны его литургической практики и живущие до сих пор церковные предания», что делает совершенно необходимым её детальный показ [Там же. С. 276].

Третий отдел был призван демонстрировать изобразительное искусство, но так же, как и второй, отдавать предпочтение византийской иконографии. Основным типом источников данного отдела – снимки с мозаик (Софийского храма в Константинополе, Солунской базилики св. Георгия и св. Софии, базилики св. Виталия в Равенне); миниатюр (Сирийского Евангелия Равулы во Флоренции VI в., Парижской рукописи Григория Богослова IX–X вв., Псалтири из библиотеки Лобкова, Менология императора Василия II (976–1025), Паноплии XII в.); фресок и икон, привезённых с Афона П.И. Савостьяновым, и рукописей московской синодальной библиотеки, публичного и художественно-промышленного музеев [Там же. С. 277].

В связи с тем что церковно-археологические музеи должны были выполнять функцию обеспечения наглядности преподавания отечественной церковной археологии, в них в обязательном порядке был предусмотрен абсолютно новый отдел, содержащий памятники древнерусского церковного искусства и быта. Согласно проекту, здесь должны быть отражены памятники деревянной и каменной древнерусской архитектуры Новгорода, Киева, Владимира на Клязьме, Москвы, Суздаля и других древнерусских городов (снимки фасадов, планы, копии, образцы деталей и орнаментовки и пр.). Также в этом отделе планировалось демонстрировать снимки российских церквей XVI, XVII, XVIII вв. В обязательном порядке в структуре данного отдела должны были быть представлены образцы древней иконографии, причём, помимо аутентичных предметов, следовало собирать снимки с фресковой живописи отечественных храмов, литографии с лицевых подлинников [6. С. 280]. В

целом, согласно мнению разработчика, указанный (четвёртый) отдел должен был быть самым объёмным и формироваться в соответствии с местными условиями, мнением местных учёных и, конечно же, финансовыми средствами. Единственный жёстко закреплённый критерий отбора материалов – подчинение научно-педагогическим и историческим целям.

Сходной точки зрения придерживался и Н.В. Покровский (1848–1917), профессор Санкт-Петербургской духовной академии, директор Императорского археологического института, доктор церковной истории, который считал, что европейские учебно-археологические музеи не могут стать эталоном для российских ввиду малого количества подлинников в их фондах и экспозициях. Созданный им музей отражал российскую традицию презентации церковных древностей. Церковно-археологический музей при Санкт-Петербургской духовной академии был учреждён с целью повышения эффективности преподавания церковной археологии. В 1876–1877 гг., будучи доцентом кафедры церковной археологии и литургики Санкт-Петербургской духовной академии, Н.В. Покровский посетил Западную Европу с целью знакомства с существующими методиками преподавания археологии в университетах Берлина, Мюнхена, Страсбурга, Рима, Флоренции, Неаполя, Парижа, Вены, Праги. Там он не только прослушал лекции ведущих профессоров, но и ознакомился с археологическими коллекциями. Как вспоминал сам Н.В. Покровский, там у него «созрела мысль об учреждении музея церковных древностей при Академии с целью успешного преподавания археологии» [7]. Совет Академии поддержал инициативу и решением Святейшего Синода от 30 апреля 1879 г. музей был открыт со следующей резолюцией: «Церковно-археологическая коллекция желательна и была бы весьма полезна и для успешного преподавания в Академии науки о церковных древностях, и для сохранения и учёной разработки древних памятников, имеющих отношение к древнехристианскому периоду истории и к истории Русской Церкви» [7].

В основу фонда петербургского древлехранилища была положена коллекция памятников церковной старины (ок. 300 ед. хр.) из закрывшегося земского музея на территории Новгородской епархии. Впоследствии пополнение фондов продолжилось за счёт даров Санкт-петербургских митрополитов, преподавателей и студентов академии, настоятелей церквей храмов. К 1909 г. фонд музея составлял более 3 000 ед. хр. Структура музея в целом соответствовала четвёртому отделу из проекта И.Д. Мансветова. Хронологические рамки представленных в музее памятников охватывали период с XVII по XIX в. С точки зрения современников, наиболее полными и интересными были экспозиции, посвящённые презентации литейных произведений (кресты, образки, складни) и иконографии XVII в. (раритетами этого отдела считались двусторонние иконы-таблетки Троицы Постной и Цветной) [7].

Структура западносибирских музеев, как, впрочем, и структура большинства музеев европейской части России, также была представлена только четвёртым отделом, ориентированным на отечественную церковно-археологическую традицию. В Тобольском церковном древлехранилище все собранные материалы экспонировались, как правило, по систематическому (коллекционному) принципу. Предметы выставлялись по типу источников с учётом их достаточно узкой дифференциации. Например, в коллекции богослужебной утвари представляли систематические ряды потиров, дисков, водосвятных чаш и пр.; в коллекции иконографических изображений – живописные, скульптурные, литые образы, презентуемые в соответствии с их иконографическими типами. Книжные коллекции подразделялись на рукописные и печатные, а те, в свою очередь, делились в соответствии с их функциональным назначением: жития, псалтыри, ермологи и пр. В целом, характер построения экспозиции соответствовал уровню музейного знания этого периода и принципам, заложенным в «Скрижали», что, в свою очередь, нашло отражение в опубликованном систематическом каталоге Тобольского церковного древлехранилища.

Проект Мансветова показал свою жизнеспособность не только в конце XIX – начале XX, но и в начале XXI в. В основу структуры современного Церковно-археологического музея Санкт-Петербургской духовной академии и Церковно-археологического кабинета Московской духовной академии положены фактически аналогичные разделы, причём в последнем наряду с церковной представлена христианская и византийская археология.

Продолжая характеристику церковных музеев в пространстве духовных учебных заведений, следует охарактеризовать применение фондов музея в образовательном процессе на примере Тобольской духовной семинарии. Обучение в высших духовных заведениях (семинариях) длилось 6 лет. Учебным планом было предусмотрено изучение словесных наук и всеобщей истории – на отделении риторики (2 года); философских наук – на философском отделении (2 года); богословских наук и церковной истории – на богословском отделении (2 года). Реформа духовных семинарий 1840 г. привнесла ряд изменений в учебный процесс: философские науки были значительно сокращены, а к богословским наукам (5–6-летнее обучение) было добавлено учение о вероисповеданиях, ересях и расколах, гомилетика (составление проповедей), основания церковных законов и канонического права и учение о церковных древностях и обрядословии [8]. В 1867 г. был утверждён новый Устав духовных семинарий, согласно которому эти учебные заведения из трёхклассных двухгодичных были преобразованы в шестиклассные (одногодичные). За первые четыре года обучения учащиеся осваивали гимназическую программу и некоторые богословские предметы, два заключительных года обучения целиком были посвя-

щены богословским наукам. Церковная археология как отдельная учебная дисциплина была введена в перечень обязательных предметов духовных академий (4-й год обучения) после 1869 г. Сведения, содержащиеся в Тобольских епархиальных ведомостях за 1893 г. [9. С. 418], подтверждают наличие предмета «учение о церковных древностях и обрядословии» в перечне богословских дисциплин семинарии.

Об использовании фондов музея в качестве наглядных пособий свидетельствуют материалы отчетов Тобольского церковного древлехранилища, в которых указано, что экспозиции музея осматривали учащиеся 4–6-х классов семинарии [10. С. 341]. Данные сведения согласуются с составом фондов древлехранилища. Сосредоточенные в музее материалы давали возможность обеспечения средствами наглядности таких дисциплин, как церковная история (на примере материалов по христианизации Сибири и истории Тобольской епархии), учение о церковных древностях и обрядословии (на примере собраний иконописи, церковного металла, церковных тканей, книжных собраний и фотоколлекций), учение о вероисповеданиях, ересь и расколы (на примере старообрядческих коллекций), гомилетика (на примере архивов протоиереев А.И. Сулоцкого и С.Я. Знаменского). Таким образом, сопоставление норм и требований к высшему духовному образованию исследуемого периода, перечня преподаваемых дисциплин, наличия среди учащихся студентов 5–6-х классов духовной семинарии, состава фондов музея позволяет констатировать использование древлехранилища как сред-

ства наглядного обучения в рамках популяризации церковно-археологической науки.

Необходимо отметить, что фонды музея представляли интерес в историко-культурном и общерелигиозном контекстах и для учащихся других духовных учебных заведений Тобольска. Для учащихся светских учебных заведений фонды музея использовались для обеспечения наглядности при изучении дисциплин краеведческого характера (религиозный аспект) и Закона Божия, преподаваемого в каждом учебном заведении.

Завершая характеристику церковных музеев наглядных пособий, следует отметить, что они являлись по своей сути академическими музеями, т.е. не только документировали памятники православного наследия и обеспечивали учебный процесс средствами наглядности, но и вели научно-исследовательскую работу, результаты которой публиковали в виде монографий или статей в научных журналах на страницах местных епархиальных ведомостей.

Вышеизложенный материал свидетельствует о том, что форма музея наглядных пособий, заимствованная у светских учебных заведений и адаптированная для нужд духовного образования, оказалась вполне жизнеспособной. Развитие церковной археологии как научной и учебной дисциплины способствовало появлению в культурно-образовательном пространстве духовных учебных заведений России церковных музеев. Их фонды, представленные преимущественно аутентичными предметами, способствовали повышению культурно-образовательного уровня студентов, сохранению и популяризации наследия православной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полякова Е.А. Педагогические музеи Западной Сибири как учреждения культуры конца XIX – первой трети XX вв. Барнаул : Изд-во Алт-ГАКИ, 2009. 175 с.
2. Мусин А.Е. К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии // Археологические вести. 1993. № 2. С. 145–153.
3. Мусин Е.М. Церковная археология как часть современной российской культуры // Культурное наследие Российского государства: прошлое и современность. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии. Санкт-Петербург: Вести, 2000. Вып. 2. С. 88–103.
4. Голубцов А.П. Введение в церковную археологию // Богословский вестник. 1912. Январь. С. 192–215.
5. Полякова Е.А. Церковная археология как фактор формирования церковных музеев наглядных пособий // Научный диалог. Екатеринбург, 2012. Вып. 4. С. 183–193.
6. Мансветов И.Д. Об устройстве церковно-археологических музеев // Православное обозрение. 1872. № 2. С. 259–282.
7. Катаев Р. Церковно-археологический музей при Санкт-Петербургской духовной академии. 1879–1917 гг. // Сайт «Санкт-Петербургская Православная духовная академия». URL: <http://spbda.ru/academy/view/Muzej.html>, свободный.
8. Судницын А.Н. История тобольской духовной семинарии до 1884 г. // Сайт выпускников Тобольской Духовной семинарии. URL: <http://www.tds.net.ru/index.php/istoriya-dukhnovykh-shkol/istoriya-dukhnovnoy-seminarii3>, свободный.
9. Из речи, произнесенной на торжественном акте 21 сентября 1893 года по случаю 150-летнего юбилея Тобольской духовной семинарии ее преподавателем А.Н. Судницыным // Тобольские епархиальные ведомости. 1893. № 21, 22. С. 403–422.
10. Отчет о деятельности Тобольского епархиального братства св. вел. Д. Солунского за 1909–1910 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 24.

Poliakova Elena A. Barnaul Juridical Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: elena2873@mail.ru

CHURCH MUSEUMS IN CULTURAL AND EDUCATIONAL SPACE OF THEOLOGICAL SCHOOLS IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES.

Keywords: church museums of visual aids; church archeology; theological and educational institutions.

At the present stage of development of the museum's knowledge the number of questions related to the identification and analysis of new groups of museums are of particular relevance. Church museums as a cultural form appeared in the late XIX century as a result of reform in the system of theological education. Necessity to preserve ancient monuments, in general, and the church heritage, in particu-

lar, perceived by society, led to teaching subjects of church character in clerical schools. Consciousness of liturgical crisis which came in the period of the Great Schism of the XVII century, contributed to emergence of the first works on church archeology and led in the second half of the XIX century to formation of, along with the theological and liturgical, historical and artistic direction, which had such peculiar function as systematization of scientific knowledge. Church archeology formed on the basis of the Christian and Byzantine, was focused on the study of iconography, architecture and applied arts. Lack of training facilities in academies and seminaries necessary for implementation of visual method caused various kinds of discussions that contributed to its division into theoretical and practical components. Theoretical scope was to examine the Orthodox heritage, the practical sphere of activity was reflected in the formation of church organizations and archaeological museums. Introduction of church archeology into the sphere of theological education, updating visual training method, stirring up the activity of preservation of artefacts contributed to the emergence of theoretical concepts expressed in the form of projects of church museums of visual aids. In 1872 the draft developed by I.D. Mansvetov and based on the experience of domestic vestry collections and Berlin Museum of Christian antiquities by Professor F. Pieper was published. It became the base for museums of clerical institutions and played an important role in their practice, as was aimed at solving scientific-pedagogical and educational and religious problems. The basis of the proposed project contained four departments aimed to demonstrate the artistic syncretism of Christian and pre-Christian art in the church, the main architectural styles, with the prevalence of the Byzantine style, fine arts, mainly Byzantine iconography and artefacts of ancient Russian church art and life. Development of church archeology as a scientific discipline contributed to emergence of church museums in the cultural and educational space of Russian theological schools, which functioned as educational and methodical and scientific research center.

REFERENCES

1. Poliakova E.A. *Pedagogicheskie muzei Zapadnoy Sibiri kak uchrezhdeniya kul'tury kontsa XIX – pervoy treti XX vv* [Pedagogical museum of Western Siberia as cultural institutions of the late 19th – early 20th centuries]. Barnaul, Altai State Academy of Culture and Arts Publ., 2009. 175 p.
2. Musin A.E. K voprosu o perspektivakh izucheniya russkoy tserkovnoy kul'tury v rossiyskoy arkheologii [On the study of Russian church culture within Russian Archaeology]. *Arkheologicheskie vesti – Archeological News*, 1993, no. 2, pp. 145–153.
3. Musin E.M. *Tserkovnaya arkheologiya kak chast' sovremennoy rossiyskoy kul'tury* [Church archeology as part of modern Russian culture]. In: *Kul'turnoe nasledie Rossiyskogo gosudarstva: proshloe i sovremennost'. Uchenye, politiki, zhurnalisty ob istoricheskom i kul'turnom dostoyanii* [Cultural heritage of the Russian state: the past and present. Scientists, politicians, journalists on the historical and cultural heritage]. St. Petersburg, Vesti Publ., 2000, Issue 2, pp. 88–103.
4. Golubtsov A.P. Vvedenie v tserkovnuyu arkheologiyu [Introduction to church archeology]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1912, January, pp. 192–215.
5. Poliakova E.A. Tserkovnaya arkheologiya kak faktor formirovaniya tserkovnykh muzeev naglyadnykh posobiy [Church archeology as a factor of church museums of visual aids formation]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2012, Issue 4, pp. 183–193.
6. Mansvetov I.D. *Ob ustroystve tserkovno-arkheologicheskikh muzeev* [On church archaeological museums]. *Pravoslavnoe obozrenie*, 1872, no. 2, pp. 259–282.
7. Kataev R. *Tserkovno-arkheologicheskiy muzey pri Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii. 1879–1917 gg.* [Church and Archaeological Museum at St. Petersburg Theological Academy. 1879 – 1917]. Available at: <http://spbda.ru/academy/view/Muzej.html>.
8. Sudnitsyn A.N. *Istoriya tobol'skoy dukhovnoy seminarii do 1884 g.* [History of Tobolsk Theological Seminary before 1884]. Available at: <http://www.tds.net.ru/index.php/istoriya-dukhovnykh-shkol/istoriya-dukhovnoj-seminarii3>.
9. Iz rechi, proiznesennoy na torzhestvennom akte 21 sentyabrya 1893 goda po sluchayu 150-letnego yubileya Tobol'skoy dukhovnoy seminarii ee prepodavatelem A.N. Sudnitsynym [From the speech by A.N. Sudnitsyn, the teacher of Tobolsk seminary, at the solemn act of 21st September, 1893 on the occasion of the 150th anniversary of Tobolsk seminary]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1893, no. 21 – 22, pp. 403–422.
10. Otchet o deyatelnosti Tobol'skogo eparkhial'nogo bratstva sv. vel. D. Solunskogo za 1909–1910 g. [Report on work of Tobolsk diocesan fraternity named after the great martyr Demetrius of Thessalonica for 1909–1910]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1910, no. 24, pp. 341.